

Михаил Ахманов

ФЛИБУСТЬЕР. ВЕСТ-ИНДИЯ

Посвящается Рафаэлю Сабатини, одному из любимых писателей моей юности.

Автор

ЧАСТЬ 1

ИСЧЕЗНУВШИЕ

Глава 1

Андрей Серов, частный сыщик

Женщина была красива и выглядела еще молодой. Лицо холеное, ни морщинки; если бы не покрасневшие глаза и опухшие губы, Серов посчитал бы ее своей ровесницей. Но ей, конечно, стукнуло больше тридцати, и оставалось лишь гадать, насколько больше — на пять лет?... на десять?... Маленькая загадка, которую он пытался разрешить, так как при первом визите не спрашивал у клиентов паспорт. Часто не спрашивал вообще. Паспорт полагалось предъявлять в случае заключения договора, но таких формальностей Серов не любил. Договор — первое звено

налоговой цепи... Гораздо приятнее действовать в рамках натурального обмена: от него — услуги, от клиента — деньги. Учитывая специфику его услуг, за два года занятий частным сыском Серова не обманывали ни раза. Платили сполна, а иногда и добавляли.

— Андрей Юрьевич... — начала женщина.

— Просто Андрей, — сказал Серов, щелчком смахнув с лацкана невидимую пылинку. В день приема посетителей он неизменно надевал строгий темный костюм с белой рубашкой и галстуком. Клиент должен понимать, что перед ним не какой-то шаромыжник, а настоящий специалист, причем самой высокой квалификации — это имеет прямое отношение к размеру гонорара. Не то что бы Серов был жаден — нет, такого греха за ним не водилось, а время от времени он вообще работал бесплатно. Однако придерживался заповеди: тот, кто может платить, должен платить. Эта дама могла. Несомненно.

— Сергей Егорович посоветовал обратиться к вам, — произнесла она, сжимая тонкими пальцами сумочку. Сумочка и платье были не иначе, как от Коко Шанель. Или от Кардена.

Серов кивнул. Теперь к нему редко приходили клиенты с улицы; большей частью его передавали из рук в руки как драгоценный раритет, и эта известность ему льстила. Тем более, что была

заслуженной: из шестидесяти трех дел он с успехом закончил шестьдесят.

— Меня зовут Татьяной, — сказала женщина. — Татьяна Олеговна Добужинская... Одну минуту, я...

Она полезла в сумочку — видимо, за документами, — но Серов отрицательно покачал головой.

— Не нужно, Татьяна Олеговна. Потом, если понадобится. А сейчас расскажите мне о ваших проблемах.

— Муж... — выдавила она, достала платочек и приложила к глазам. — Муж пропал... Исчез!

Пропал... Исчез... За последние два года Серов слышал эти слова в шестьдесят четвертый раз. В своей ипостаси частного сыщика он не расследовал убийства, не занимался поиском машин или похищенных бриллиантов, не лез в экономические преступления или иные разборки меж сильными мира сего. Его специальностью являлись пропавшие люди, старые и молодые, иногда ребятишки и даже младенцы, украденные из колясок у зазевавшихся мамаш. Удивительно, сколько людей исчезает в Москве, да и в других российских городах и весях! Еще удивительнее, что те, кому положено, не могут найти и пятой части исчезнувших. С другой стороны, — размышлял Серов, посматривая на сидевшую перед ним

женщину, — если б находили, не было бы нужды в его услугах.

— Продолжайте, — сказал он, включая спрятанный в тумбе стола магнитофон. Маленький кабинет Серова был таким же строгим, как его костюм; ничего лишнего, никаких диванов, шкафов, картотек и выставленных напоказ сейфов. Обстановка спартанская: письменный стол (абсолютно пустой, если не считать телефона), столик с компьютером и факсом, цветной ксерокс в углу и два удобных стула. На одном сидел он сам, другой предназначался для посетителей. Если их было двое или больше, Серов приносил стулья из гостиной.

Татьяна Олеговна всхлипнула.

— Понимаете, такая нелепая история... Встали утром, в восемь, как всегда, и Костя пошел бриться в ванную. Я прибрала постель, затем отправилась на кухню... У нас большая квартира на Мясницкой, в Чистых Прудах, но я его слышала... он оставил дверь в ванную открытой и...

— Слышали что? — спросил Серов. — Пожалуйста, конкретнее.

— Жужжала электробритва... еще он напевал, шаркал ногами... ну, конечно, звуки воды из крана... — Она наморщила лоб, вспоминая. — Стук... да, слабый стук — наверное, Костя отложил бритву, но снова поднял... Это все.

Молодец, одобрил про себя Серов; не всякая женщина так наблюдательна. Пожалуй, ей между тридцатью пятью и сорока... Детей нет, ибо дети в ритуале утреннего вставания не упоминались — значит, посвятила жизнь мужу. А муж, если судить по ее наряду и сумочке, весьма преуспел. Горюет искренне, но старается держать себя в руках... Это хорошо. С истеричками всегда работать тяжелее.

— Потом звуки прекратились. То есть не совсем — текла вода, но больше ничего... Я заглянула в ванную... — Добужинская прижала ладони к щекам. — Заглянула, а там пусто. Представляете, пусто! Позвала, обошла квартиру — Кости нет... Жизнью своей клянусь, он не выходил из ванной! Он очень пунктуальный человек! Бритье, душ, завтрак, в восемь сорок пять — свежая сорочка и костюм... это моя забота все вовремя приготовить... Ровно в девять подъезжала его машина, и он спускался вниз...

— Кроме вас двоих в квартире никого не было? — поинтересовался Серов.

Женщина, по-прежнему прижимая ладони к лицу, покачала головой.

— Нет. Горничная... у нас есть домработница, но она приходит к десяти. — Добужинская всплеснула руками. — Ужас какой-то! Мистика! Пошел человек в ванную и исчез! Словно в трубу провалился!

— Давно?

Она снова всхлипнула.

— Двадцатого августа... две недели назад...

— В милицию заявляли?

— Конечно! В милицию и в службу безопасности нашей фирмы! В тот же день!

— И что?

— В милиции смеются. Я награду обещала, большую награду, а они все равно смеются... Слышала, что за спиной говорят: от этой, — она приложила пальцы к груди, — мужик к другой бабе сбежал, прямо в пижаме... Говорят, как нагуляется, придет... Такая нелепость! Мы восемнадцать лет женаты, и Костя никогда не давал повода, никогда... весь в работе, в делах...

— Успокойтесь. Дать вам воды? Или немного коньяка?

— Нет, нет, что вы... Я в порядке. — Она судорожно сжала сумочку.

Этот красноречивый жест Серову тоже был знаком. Кто к нему только не приходил, кто не являлся! Безутешные родители в поисках исчезнувшего чада, бизнесмены, желавшие знать, куда подевался их компаньон, сестры, братья и друзья потерянных, матери пропавших без вести солдат, наследники, чье право на имущество висело в воздухе без трупа наследодателя... Молодых, а иногда и пожилых, но легковверных, Серов обычно

разыскивал у сектантов того или иного толка; младенцев и ребятишек помладше — у цыган или у новых приемных родителей, в Германии, во Франции, а пару раз за океаном, в Штатах и Аргентине; бизнесменов (если те были еще живы) находил прикованными к батареям или запертыми в подвалах пригородных дач: красивых девушек вытаскивал из европейских, иракских или турецких борделей. Нередко эта работа была опасной, и тогда выручали цирковые навыки и квалификация, полученная в Чечне. Впрочем, махать кулаками и стрелять Серов не любил. Он находился в том возрасте, когда человек понимает, что бесшабашная юность позади, а зрелость требует иных решений, зависящих не от крепости мышц и точности глаза, а от разума.

— В милиции, значит, смеются, — медленно произнес Серов и одернул рукава пиджака. — А что на работе? В службе собственной безопасности?

— Они растеряны. Ищут, конечно, но... — Пальцы Татьяны Олеговны снова принялись терзать сумочку. — Понимаете, Андрей, если бы Костя пропал на улице... из машины, из своего кабинета, из ресторана, наконец... С дачи, с какого-нибудь приема... Но из ванной! Из ванной, где только продох в вентиляционную шахту... кошка разве что пролезет... Но Кости нет, и я

сейчас хозяйка! — Ее лицо вдруг приняло суровое выражение. — Я приказала, и они ищут!

— Но не очень вам верят, — промолвил Серов. — Так?

— Так. — Женщина выдавила кривую усмешку.

Серов побарабанил по крышке стола. Слух у него был отменный, и он мог выбить бравый походный марш или джазовую мелодию, но сейчас движения пальцев были медленными и как бы задумчивыми.

Да, необычная ситуация! Фантастическая, скажем прямо! Правда, такие уже попадались... Так что либо он этого Костю найдет, либо пополнит свою коллекцию. Розыскные дела, с точки зрения Серова, делились на две категории: одни тривиальные, другие странные. Выручить девицу из дома свиданий в Анталии или найти банкира, сбежавшего в Коста-дель-Соль с миллионом зеленых и юной любовницей, было делом тривиальным, ибо имелось в нем множество зацепок, фактов и свидетельств. Но бывали и таинственные случаи, когда человек растворялся в воздухе как дым, причем случалось это на глазах очевидцев. Серов еще не составил мнения о причине таких поразительных феноменов, но собирал их с энтузиазмом и дотошностью коллекционера. Он был любознателен от природы и

умел отыскивать нечто такое, что скрашивало серые будни.

Веки Добужинской нервно дрогнули.

— Сергей Егорович сказал, что мой случай как раз для вас. Сказал, что если вы не отыщете, то не найдет никто. Сказал, что ваш гонорар...

— Не будем торопиться с гонораром, — произнес Серов. — Мне нужен день-другой, чтобы поразмышлять об этом деле. Может быть, больше... Вы будете оплачивать расходы, связанные с поиском, и не задавать вопросов об их целесообразности. К истине, Татьяна Олеговна, можно пробраться разными путями, иногда очень странными.

— Я понимаю, Андрей. Я... я на все готова... все, что в моих силах... любые расходы, любая помощь... Только бы Костю найти!

На ее глазах выступили слезы. В контактах Серова с клиентами такой момент рано или поздно наступал, и бороться с изъяснениями чувств надо было проверенным способом — ближе к делу, господа! Когда заставляешь потерпевших вспоминать то или это, им не до рыданий.

— Вот что, Татьяна Олеговна, — деловито молвил он, — сегодня, часиков в шесть вечера, я загляну к вам на Мясницкую и осмотрю... гмм... место происшествия. А сейчас прошу сосредоточиться. Сведения о вашем супруге,

пожалуйста. Имя-отчество, когда родился, где учился и работал, чем занимается сейчас, кто из родственников жив, есть ли друзья и враги, ну, и все такое... Не волнуйтесь и начинайте по порядку.

* * *

К себе на Новослободскую Серов вернулся в десятом часу. Жил он в доме не так чтобы новом, но и не очень старом, воздвигнутом еще до войны и предназначенном для артистов. Когда-то здесь обитали гении комедии и драмы, великие режиссеры и кинозвезды, а несколько квартир были отданы мастерам других искусств, циркачам и актерам кукольных театров. Серов происходил из циркачей и обитал в квартире, полученной еще его прадедом, Виктором Серра, заслуженным вольтижером и великим знатоком скакунов. Для одинокого молодого мужчины места хватало с избытком: широкий, сталинских габаритов, коридор, кабинет, он же офис, и три просторные комнаты. В одной Серов спал, другая служила гостиной и складом всяческих реликвий, а третья считалась как бы запасной, на тот случай, если он когда-нибудь женится и обзаведется потомством. Но среди его подруг, случайных и временных, пока что не просматривалось нужной кандидатуры.

Он отключил охранную сигнализацию, тщательно запер дверь, потом снял куртку и наплечную кобуру. Привычка обращаться с дверьми аккуратно и закладывать их на кованый засов появилась у него лет семь назад, когда он учился в Высшей школе милиции. Полезный рефлекс! Тем более для частного сыщика. Были люди, которым Серов весьма досадил, и люди эти не дремали. Самыми настырными он считал сектантов, всяких братьев во Христе, сатанистов, поклонников Черного Кришны или святой девы Софьи-Магдалены — эти чуть не ежедневно слали письма с угрозой действием. Иногда угрозами не ограничивались, и Серову доводилось поколачивать энтузиастов-фанатиков. Делал он это с удовольствием и считал, что выполняет долг перед родной православной церковью.

Переодевшись в прихожей, Серов отворил дверь в гостиную, постоял, любуясь, на пороге и шагнул внутрь. Тут находились старинный прадедушкин буфет из мореного дуба со всякими резными финтифлюшками, большой, обитый плюшем диван, шкаф с зеркалом и стулья у круглого стола, тоже из дуба — все основательное, массивное, прочности неимоверной. Кроме того, был сейф, а на стенах — десятки фотографий, картин и афиш, имевших отношение к семейной истории. Семья их, согласно легенде, происходила

от Пьера Серра, внебрачного сына маркиза из Нормандии, бретера и забияки, который, влюбившись в мадемуазель Мари, цирковую плясунью, перебрался с нею в Париж, а затем в Петербург где-то после наполеоновской эпохи. По настоянию возлюбленной (а вскоре — законной супруги) Пьер овладел полезными профессиями жонглера и метателя ножей и выступал с успехом во многих российских губерниях. От них, от Мари и Пьера, и пошла цирковая династия Серра, пока в двадцатые годы прадедушка Виктор не переименовал фамилию на Серов, оставив память о прекрасной Франции как псевдоним. Мудрым человеком был прадедушка! Вовремя понял, что подозрительный космополитизм и странные фамилии не в моде, ну а псевдоним — он и есть псевдоним. Необходимая вещь для артиста, против которой Чека не возражало.

Серов раскрыл сейф, сунул туда кобуру с пистолетом и пухлый конверт с деньгами, врученный ему Добужинской, потом, насупив брови, уставился в окно. Начало сентября выдалось в Москве солнечным, вечерний свет еще не угас, и афишки, висевшие по обе стороны оконной рамы, так и сияли яркими красками. На одной, послевоенных времен, бабушка Катя порхала над крупом гнедого жеребца, на другой, более свежей, папа Юра шел по канату, а третья, блестящая,

глянцевитая, была самой дорогой: тут собралось все их семейство. Папа Юра, мама Даша, сестренка Леночка и сам Андрей, десятилетний, в сверкающем блестками трико гимнаста... Как давно это было! Вроде бы молод еще, а двадцать лет долой...

Он вздохнул, задумавшись о промелькнувшей жизни. Она была пестрой, как конфетти, как коврик, сшитый из цветных обрезков ткани. Вроде бы никто не сомневался, что Андрюша станет циркачом и семейной традиции не посрамит — все при нем было, и сила, и ловкость, и кураж... А получилось иначе. Совсем иначе! Закончил цирковое училище, срочную отслужил, вернулся в Москву — и понеслось... Все в начале девяностых вдруг переменялось: рубль не рубль, страна не страна, артист не артист! Рубль упал ниже прежней копейки, страна рассыпалась, а что до артистов, особенно цирковых, так у тех животы прилипли к позвоночнику. Почетная профессия, но есть да пить тоже надо, тем более гимнасту-акробату. У Леночки и Володи-канатоходца, супруга ее, уже намечалось прибавление семейства, и Серовы, стесненные нуждой, замотанные грошовыми халтурками на всяких утренниках, уже помышляли о том, чтобы продать прадедову квартиру и перебраться куда-нибудь на московскую окраину. Удерживало одно: понимали, что деньги проживут

и останутся ни с чем в хрущобах. Подвернулся, однако, ловкий импресарио, сколотил труппу, вывез в Германию на гастроли, а затем в Италию и Францию. Два года Серовы с ним таскались — из Гамбурга в Мюнхен, из Мюнхена в Милан, из Милана в Бордо... Жили, как цыгане, то в вагончиках, то в отелях пятого разряда, с клопами под подушкой. Андрей был занят в пяти или шести аттракционах — стрелял, метал ножи, жонглировал, работал с першем, изображал то клоуна, то униформиста в чужих номерах. Потом вроде удача блеснула — контракт в Нью-Йорке предложили, выгодный, трехлетний, с возможностью продления. Но тут уж Андрей взбунтовался, почувствовал, что жизнь проходит зря, и что метать ножи ему поднадоело. Мама с Леночкой плакали, Володя окрысился — номер, мол, разрушаешь, но отец, тяжело вздохнув, сказал: на родине и вороний грай кажется пением канарейки. Поезжай, сынок! С тем и расстались; Андрей отправился в Москву, а семья — за океан. Со временем устроились неплохо. Богатая страна — Америка!

Что до Серова-младшего, то он решил разбогатеть — то есть, не отставая от веяний времени, податься в бизнес. Имелись у него хорошая квартира и кое-какие сбережения; закончил он курсы бухгалтеров, открыл фирмешку по торговле импортом, арендовал киоски на трех

московских рынках, завез из Польши джинсы и куртки из Турции, но вдруг оказалось, что есть статья, не предусмотренная бюджетом: оплата покровительства. Платить за «крышу» Серов не захотел, рассчитывая, что физическая подготовка у него на высоте; купил, на всякий случай, пистолет и стал таскать за поясом обрезок водопроводной трубы. Но на него никто не покусился, просто в один прекрасный день киоски спалили со всем товаром.

Очень это его обидело. Думалось по молодости лет, что хуже беспредела не бывает, но власти он в потворстве не винил. Дело завели как положено, виновных не сыскали, однако объяснили, что время нынче лихое, стреляют то журналиста, то депутата, и на этом фоне три киоска с куртками и джинсами — мелочь, даже совсем ерунда. Ну, а коли есть желание установить порядок, так приходи и устанавливай! В рамках закона, разумеется, зато своими собственными руками.

Серов это выслушал, принял за чистую монету и пошел служить. Ноги у него были быстрые, руки ловкие и голова не пустая — как-никак, в торговле повертелся, плюс три европейских языка, владение оружием и общая интеллигентность. К тому же еще московская прописка и никаких посягательств на казенную жилплощадь. С такими данными направили его на

курсы, потом в Высшую школу милиции, и не прошло трех лет, как получил Серов лейтенанта и был зачислен в уголовный розыск. Там, однако, не прижился, перешел в ОМОН, попал в Чечню, воевал отважно, но неудачно — в машине горел, едва не расшибся в подбитом вертолете, а под конец и пуля его нашла. Боевые и положенное за ранение не заплатили ввиду недавнего дефолта. Судиться и качать права не стал, ушел. Поработал в ЧОПе, частном охранном предприятии, потом, через прежних знакомцев в УГРО, выправил лицензию детектива.

Пестрая жизнь... Но, скорее, не яркий тряпичный коврик и не конфетти, а зебра: полоска черная, полоска белая. А что в конце?... — думал Серов, разглядывая семейную афишу. Смотря по тому, откуда полоски считать: если от хвоста, до гривы доберешься, а если от шеи — до задницы.

Он ухмыльнулся, вытащил из сейфа десяток картонных папок и проследовал к магнитофону и компьютеру, в кабинет. Включил то и другое, прослушал запись беседы с Татьяной Олеговной, пустил ее снова, помедленнее, и застучал по клавишам, загружая информацию в компьютер. Закончив, отпечатал лист, выбрал пустую папку, написал ее красным фломастером: «Добужинский Константин Николаевич, Москва. Исчез 20 августа

2002 года». Сунул лист в досье, а остальные разложил перед собой.

Кроме дела Добужинского еще три папки были надписаны красным, а пять — синим. Красная пометка — три его неудачи, люди, которых он искал и не нашел, синяя — другие личности, не попадавшие ему в розыск, но тоже словно канувшие в пустоту. Те и другие исчезли необъяснимо, при загадочных обстоятельствах, не связанных с внезапным побегом, похищением или, положим, со сменой личности с целью защиты важного свидетеля. Все подобные резоны исключались; ни один из девятерых не имел отношения к криминалу, не пытался скрыться от врагов, которых, в сущности, не было, и не знал чего-то такого, за что бандиты или секретные службы могли бы содрать скальп и открутить голову. Обычные люди... может быть, кроме одного...

Раскрыв досье, Серов пробежал глазами текст.

Владимир Понедельник из Москвы, красная пометка. Программист. Одинокий, замкнутый, 36 лет; работал в компьютерной фирме «Параграф». Исчез в ночь на 1 января 2001-го, когда встречал в компании друзей первый год миллениума. Вышел покурить к раскрытой форточке на кухню, и больше его не видели. Пропал из квартиры в высотном доме, с семнадцатого этажа...

Наталья Ртищева, город Чехов, Подмосковье. Красная пометка. Врач-терапевт из районной больницы, доброжелательная, общительная. Замужем, мать двоих детей, 42 года. Исчезла в марте 2000-го из ординаторской на глазах пяти коллег. Подошла к двери, но не открыла ее, а словно растаяла в воздухе, как сообщили свидетели. Две врачихи лишились чувств, трое, мужчина и еще две женщины, пришли в состояние шока. Серов расследовал этот случай по горячим следам и снял, как говорится, самые свежие показания. Потом свидетели их изменили (видимо, договорившись меж собой): в новом варианте утверждалось, что Ртищева все-таки открыла дверь и вышла в коридор. Но это никак не объясняло ее пропажи.

Игорь Елисеев, Петербург. Красная пометка. Сотрудник Библиотеки Академии Наук, историк и филолог, по отзывам — большой эрудит. Неженатый, проживал с отцом и матерью, 24 года. Исчез в ноябре 2000-го из лифта: сел на втором этаже, поехал на пятый и не доехал. Хватились его не сразу, но обстоятельства исчезновения восстановили полностью. Этим случаем Серов занимался по просьбе родителей Елисеева, с выездом в Питер. Потратил три недели, не нашел, от гонорара отказался.

В папках с синей пометкой хранились сведения о более ранних исчезновениях,

случившихся с девяносто пятого по девяносто девятый год. Серов подозревал, что такое происходило и прежде, в середине и начале двадцатого века и, вероятно, в других столетиях, но получить информацию и разобраться, где правда, где ложь, было тяжело. Письменным источникам, особенно газетным статьям, он не доверял, а опросить очевидцев давних событий, как правило, не представлялось возможным. Сомнительные данные, граничащие с вымыслом, его не интересовали; достоверность служила главным критерием отбора в его коллекцию необъяснимого.

Максим Кадинов из Челябинска, синяя пометка. Журналист, 45 лет, женат. Исчез в 1995-ом, на лыжной прогулке, на глазах супруги и сына-студента... Евгений Штильмарк, Тверь, синяя пометка. Врач, как и Ртищева. Женат, детей не имел, 27 лет. Исчез в 1997-ом при выходе из трамвая; свидетелей — около двадцати... Линда Ковальская, Москва, синяя пометка. Экономист, сотрудник налоговой инспекции, не замужем, 29 лет. Исчезла в 1998-ом из своего кабинета. Губерт Фрик, Германия, Мюнхен, тоже синяя пометка. Единственный иностранец, и потому — жемчужина коллекции. Не женат, 32 года, литератор и переводчик с русского и польского. Исчез во время Франкфуртской книжной ярмарки в 1996-ом, в момент деловых переговоров. Еще одна жемчужина

и синяя пометка — Игорь Таншара, Петербург, человек редкой профессии, экстрасенс. Холостяк, большой любитель женщин, 44 года, без определенного места работы. Исчез в 1999-ом из шашлычной «Арагви», где выпивал и закусывал в компании друзей. Держал в руке рюмку с водкой; рюмка упала и разбилась.

Этот Таншара казался прагматику Серову весьма подозрительной личностью — как по причине его занятий, так и разгульного образа жизни. Но при детальном изучении он выяснил, что Таншара, имевший трех любовниц и потреблявший спиртное по-черному, не баловался магией и кабинета по штопанью чакр не держал; жил за счет лекций и статей, печатавшихся в «Аномальной газете» и «Чудесах веры». Собственно, содержали его женщины, но тут не было даже намеков на какие-то претензии, чреватые ревностью, убийством и расчленением трупа. Тем более, что исчез он на публике, и три собутельника клялись, что Игореха распался на атомы по собственной воле или перешел в некую высшую форму существования.

С Максимом Кадиновым Серов тоже повозился изрядно. Все-таки журналист, шелкопер; мог разнюхать секреты челябинских градоначальников, военного микробиологического центра или, предположим, местных мафиози. Но

выяснилось, что Кадинов не занимался ни политикой, ни экономикой, ни военными тайнами, а состоял в штате журнала «Всемирный следопыт», писал очерки о путешествиях на Огненную Землю и Таймыр да рецензировал научно-фантастические книжки. Эти занятия, а также любовь к туризму и лыжным походам, были настолько невинными и бездоходными, что оставалось лишь удивляться, чем и как кормилась журналистская семья. Правда, жена Максима работала бухгалтером в частной торговой фирме.

Обозрев свою коллекцию досье, Серов задумчиво прищурился и перевел взгляд на компьютерный экран. Там значилось:

«Добужинский Константин Николаевич, Москва, Мясницкая, 43–15, квартира на третьем этаже. Возраст 41 год, женат, детей не имеет. Образование: матмех МГУ (1983), специальность — геометрия и топология. Кандидат физико-математических наук (1987), сотрудник Математического ин-та им. Стеклова (до 1993). В 1993 г. организовал издательство «Горизонты науки» — научная, научно-популярная, компьютерная, юридическая литература и учебники.

Преуспевающий бизнесмен. Шесть дочерних фирм, магазин научной книги, типография. Зарубежные поездки, связи с Германией, Голландией, Швецией, Австрией. «Крыша» — вероятно, люди из МВД (работают в службе безопасности его предприятий). Порочащих сведений нет, финансовых либо иных затруднений не испытывал. Примерный семьянин. Исчез 20 августа 2002 года, в 8.10-8.20 утра из ванной собственной квартиры».

Закончив чтение, Серов хмыкнул и почесал в затылке. Что общего у программиста, врача, библиотекаря и издателя? В общем-то ничего, и ситуация не проясняется, если добавить к ним еще одного врача, журналиста, экономиста, немца-литератора и экстрасенса. Можно, конечно, отметить, что все они люди интеллигентных профессий и находятся в поре расцвета, в возрасте от двадцати четырех до сорока пяти. Но, с другой стороны, присутствуют разница в поколение и разные семейные обстоятельства, кто холост, кто женат, с детьми или без оных... В профессиональном плане издатель, писатель, журналист и, быть может, экстрасенс Таншара как-то связаны, но у врачей, программиста и двух

остальных пропавших литературных потуг не замечалось. Если взять, к примеру, медиков, то и тут контакты маловероятны: Ртищевой сорок пять, опытный терапевт из Подмосковья, а Штильмарк — недавний студент Тверского медицинского, ординатор и дерматолог по специальности. Общего столько же, сколько между курицей и куликом, хотя обе — птицы, и обе на «ку»... Издатель — бывший математик и мог быть знаком с программистом, однако ВУЗы кончали разные и по работе вроде бы не пересекались... У программиста фамилия редкая, Понедельник, но супруге Добужинского она ничего не говорит...

Не там ищу, не в той земле копаю, — мелькнуло у Серова в голове. Профессии их, видно, ни при чем, как и семейное положение, возраст и место жительства. Другая между ними связь. Что-то они сотворили такое... такое особенное, странное... Может, обидели кого? Организацию «Спектр» из фильмов про Джеймса Бонда? У «Спектра» всякие штучки, конечно, есть... Им распылить на атомы — что плюнуть! Хоть в ванной, хоть в шашлычной, хоть на Франкфуртской ярмарке...

Он усмехнулся, встал и начал кружить по комнате, посматривая на разложенные папки. Четыре с красной надписью, пять — с синей... Вызов его сообразительности... Его хитроумию, самоуважению, искусству, наконец! Он чувствовал,

что должен — просто обязан! — преодолеть некий рубеж, пробить стену, мешавшую ему сделаться настоящим мастером. То, что не получилось в цирке, не вышло в торговом бизнесе, накрылось и вытекло кровью в Чечне... Многое было начато и кончилось ничем, скитаниями на чужбине, сгоревшими палатками, нелепой войной, пулей и раной...

«Может, я неудачник? — подумал Серов и стиснул челюсти. — Дитя украденное найти или там парня из секты выручить — это пожалуйста! Тут Фортуна ни к чему, тут бегать надо, трудиться, расспрашивать да разносить, а в нужный миг — в челюсть кулаком и ствол под ребра! Ну, а после хватать и тащить... Понятное дело, простое! А для того, что посложнее, удача нужна. Либо фарт, либо разум, какого Бог не дал...»

Не переставая кружить, он сбросил рубаху и, коснувшись спинки стула, сделал кувырок в воздухе. Приземлился на кисти и трижды обошел на руках вокруг стола, приговаривая сквозь сжатые зубы: «Вот это мы умеем... это можем... еще вот ножички метать... и по канату... Запросто!»

Прогнулся, встал на ноги, помассировал шрам на правом боку, подошел к окошку, всмотрелся в синие московские сумерки. Настроение повысилось, как бывало всегда после привычных физических усилий. Почти бессознательно он

замурлыкал песенку, одну из тех, что пели в цирковом училище и на срочной службе. Голос у Серова был приятный, и песен этих он знал, наверное, сотни три или четыре.

Мокрый клен за окном,
Дробь дождя на стекле,
Вы зачем о былом
Песню дарите мне?
Кто сказал, что я сдал.
Что мне рук не поднять,
Что я с песней порвал,
Что рюкзак не собрать? ¹

Допел до конца, сложил папки, сунул их в сейф в гостиной и решил, что завтра снова наведается в квартиру Добужинских. Что-то было пропущено, не замечено, оставлено без внимания... Бритва, лежавшая на полочке в ванной? Костюм, который Добужинский собирался надеть в то роковое утро? Портфель с его бумагами? Чашка тонкого китайского фарфора, из которой он пил кофе? Нет, пожалуй, нет... Что-то другое, более важное и значительное...

¹ В романе приводятся строфы из песен Городницкого, Кима, Вихорева и других авторов.

Может быть, книги в его кабинете?

Словно избавляясь от наваждения, Серов помотал головой и отправился на кухню, ужинать.

Глава 2

Рукопись

Кабинет у Добужинского был просторный, раза в три побольше, чем у Серова. Собственно, не кабинет, а библиотека: вдоль трех стен тянулись застекленные полки с книгами, а у четвертой, в простенке между двух окон, находился письменный стол из палисандра, с резными ножками и бронзовыми украшениями по углам. На столе рукописи, бумаги, пепельница, компьютер, коробки с дискетами — в общем, тот рабочий беспорядок, в котором только хозяину разобраться. Пovyше компьютера висит большая фотография в рамке: гора, похожая на конус, голубое небо, белые облака.

— Он часто работал дома? — спросил, озираясь, Серов.

— Работал... — протянула Татьяна Олеговна. Она застыла у дверей, сложив на груди руки и тоскливо глядя на стол, кресло перед ним и полки, забитые книгами. — Уезжал в девять, приезжал в четыре, если не было чего-то срочного, обедал и сидел тут до вечера. Рукописи читал. Все, что

выпускалось издательством, читал сам. Иногда, — она поднесла ладошку к глазам, — просил меня прочитать, интересовался, понятно ли написано. Говорил, что главные у нас читатели — женщины и студенты. Смеялся... Говорил, взрослым, мол, мужикам, пива и водки хватает.

— Это он зря, — произнес Серов. — Я вот ни пива, ни водки не пью, а книги иногда читаю. Хотя давно уж не студент.

Он вздохнул, то ли сожалея о прошедшей юности, то ли поражаясь собранным тут книжным богатствам. Полки — сто девяносто погонных метров, библиотека в шесть или семь тысяч томов... Любую школу можно осчастливить.

Не в книгах ли разгадка? В них самих или в любви к ним?

Серов медленно двинулся вдоль стен, разглядывая цветные корешки. Книги стояли в определенном порядке: крайняя секция — труды и учебники по математике, научные журналы и сборники конференций, судя по годам — незабвенных советских времен. Рядом — русская классика, Пушкин, Тургенев, Гоголь, оба Толстых, потом — зарубежная: Диккенс, Мопассан, Гюго, Марк Твен, Шекспир, Фейхтвангер, Сервантес; добротные книги, тоже советского времени, занимавшие всю стену слева от стола. Напротив окон, у той стены, где дверь, располагалась

историческая и приключенческая литература, и тут было на что посмотреть: Вальтер Скотт. Джек Лондон, Купер, Майн Рид, Хаггард, Эберс, Сабатини, Конан Дойль и добрая сотня других авторов. Эта часть библиотеки плавно переползала на правую стену, примыкая к секциям с фантастикой. Этим жанром Серов отнюдь не брезговал, однако представить не мог подобного богатства: тут было все, от Ефремова и Стругацких до Хайнлайна, Саймака и Ле Гуин. Дальше — научно-популярные книги по медицине, биологии, астрономии, психологии, менеджменту; в основном, переводы, но есть и отечественные. Кажется, все жанры здесь, никто и ничто не забыто, в растерянности думал Серов. Все, кроме дамских романов! Но и они имеются, стоят на полках в коридоре... Поди угадай, что же более всего любил Константин Добужинский! И связано ли это с его исчезновением?

Он оглянулся на Добужинскую, ощущая ее как помеху. Стоит, смотрит, трет глаза, смущает скорбным своим видом... Клиент в процессе расследования лишняя фигура — особенно такой клиент, который уже дал показания и задаток. Тем самым функции его исчерпаны, решил Серов и многозначительно кашлянул.

— Вы, Татьяна Олеговна, идите отдохните. Отвлечитесь чем-нибудь. Телевизор там, книжка...

Руки женщины опустились.

— Я не устала, Андрей. Мне ведь больше не за кем ухаживать.

Тоска в ее голосе кольнула Серова.

— Не отчаивайтесь раньше времени, — сказал он. — И простите меня. Мне нужно остаться одному, посмотреть, подумать. Что-то вертится такое... будто подсказка здесь есть, которую я обязан найти.

Добужинская кивнула.

— Я понимаю. Костя тоже думать не любил, когда за спиной стоят. Пойду кофе сварю. Кофе выпьете? С коньяком?

— Ведрами, — признался Серов. — Коньяк добавить, размешать, но не взбалтывать.

Женщина слабо улыбнулась и исчезла. Оставшись один, он закрыл глаза, прислушался к гулу машин, что доносился с улицы, и сделал шаг. Пальцы скользнули по стеклу книжной полки. Шаг, еще шаг, еще шажок... Тепло, тепло, еще теплее... Еще не разгадка тайны, но будто преддверие к ней... От стены — той, что с дверью — тянутся секции фантастики, потом научпоп, а тут... что у нас тут, в самом углу?

Серов приподнял веки. Секция, перед которой он очутился, была самой крайней, украшенной небольшой, с ладонь, карточкой. На карточке змеилась витиеватая надпись: «Книги издательства